

П.Л. Полянский

Предмет правового регулирования как основание периодизации дореволюционной истории отечественного семейного права

Автор полагает, что основанием для периодизации дореволюционной истории отечественного семейного права может стать предмет правового регулирования. Данный подход позволит объективно оценить цель и степень вмешательства в брачно-семейные отношения различных субъектов на разных этапах развития отрасли.

Ключевые слова: Россия; история права; семейное право; предмет правового регулирования.

Современная теория государства и права понимает под предметом правового регулирования сферу, на которую распространяется право. В структуру предмета правового регулирования включают следующие элементы: субъекты, объекты регулируемых общественных отношений; социальные факторы, способствующие возникновению соответствующих отношений; практическую деятельность людей [4: с. 234].

Выделить субъекты правового регулирования для истории российского семейного права достаточно несложно. Разумеется, основным субъектом являлось государство, другим — Русская православная церковь. Третьим субъектом можно считать социум, общество, которое, минуя посредников в виде государственных органов или общественных организаций, занимается саморегуляцией отдельных аспектов своего бытия. Выделение названных регуляторов дает возможность охарактеризовать цели и методы, с которыми они вмешиваются в эти отношения. Обозначив задачи, вставшие перед регуляторами, можно выявить начало их активного вмешательства в брачно-семейную сферу, что поможет установить периодизацию.

Не менее важной задачей представляется выявление тех отношений, на которые оказывает воздействие конкретный регулятор. Здесь важно не совершить некоторых методологических ошибок. Во-первых, нужно избежать соблазна сопоставлять российское брачно-семейное законодательство различных эпох с законодательством современным. Тот факт, например, что закон XVIII и XX веков регламентировал взаимоотношения детей и родителей, не означает, что эти отношения являются хотя бы сопоставимыми. Во-вторых, нужно понимать, что различные регуляторы воздействуют на одни и те же отношения совершенно с разными

целями. Непонимание этого фактора может привести к ошибке, когда, например, более позднее по времени вмешательство российского правительства в регулирование условий и порядка вступления в брак рассматривалось и рассматривается некоторыми исследователями как более или менее успешное вытеснение церкви из данной сферы. Государство и церковь подходили к брачно-семейной проблематике каждый со своей стороны, и при этом было неизбежно возникновение проблемы двойного подчинения и разграничения компетенции.

Выявление социальных факторов, способствующих возникновению регулирования со стороны конкретного субъекта, покажет необходимость воздействия на общественные отношения. Определение момента, когда по объективным причинам регулятор осознает необходимость вмешаться в конкретную сферу, также может способствовать обоснованной периодизации истории развития брачно-семейного законодательства в России.

Начало канонического регулирования брачно-семейных отношений начинается в России гораздо раньше государственного, и причину церковного интереса можно обнаружить в соответствующих источниках. Так, в первом послании апостола Павла коринфянам достаточно четко формулируется позиция: лучше жениться, нежели «разжигаться» (1 Кор. VII, 8–9). К чему приводит внебрачное «разжигание», прекрасно показано в том же апостольском послании: у коринфян Павел отмечает появление особого вида блуда — с женой собственного отца (1 Кор. V, 1). Обращаясь к ефесянам, Павел говорит о блуде как о нечистоте (Ефес. V, 4). В послании к римлянам апостол описывает особый вид нечистоты: «женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга» (Рим. I, 26–27).

Нечистота как термин, определяющий, помимо всего прочего, недостойные христианина половые связи, неоднократно звучит у святых отцов. Так, у Григория Нисского (ок. 335–394) в послании к Литоию, епископу Мелитинскому, нечистой называется прелюбодеяние (правило 4). «Страстной нечистотой» называет Василий Великий (ок. 330–379) брак шестидесятилетней вдовы (правило 24). Он же, припоминая к случаю апостола Павла, рассуждает о браке с близким родственником как о нечистоте (правила 7, 87). На указанных правилах основано 54-е правило вселенского Трулльского собора, в котором незаконные браки также названы «нечистотой». Многобрачие Василий Великий называл «нечистотой» (правило 50) и «скотством» (правило 80), ему вторил Григорий Назианзин (ок. 329–389), уподоблявший скоту вступившего в четвертый брак.

Тот же Григорий Назианзин ради сохранения чистоты считал брак обязательным для мирянина. Но для того, чтобы не допустить развращения христианской души, брак желательно заключать в раннем возрасте. Об этом говорят и отечественные памятники канонического права. Так, митрополит Фотий в поучительных посланиях в Новгород рекомендует выдавать замуж девок, достигших двенадцати лет [7: стлб. 275, 284]. В другом поучении (возможно,

того же Фотия) говорится прямее: «А которые девицы поспели, и вы их давайте замуж, а так бы лихих дел не делали» [7: стлб. 918–919].

Таким образом, чистота тела и, следовательно, духа христиан была настоящим объектом заботы церкви в регулировании брачного вопроса. В России правила апостолов, отцов церкви и соборов стали инструментом регулирования брачных отношений после крещения. Об этом недвусмысленно говорит относимый современными учеными [6: с. 138] к началу XI века Устав князя Владимира Святославовича: «воззрех в греческий номаканун». Этот же устав относит к ведению церковного суда бракоразводные дела. Аналогичную политику закрепления за церковью брачно-семейных дел проводил и сын князя Владимира, Ярослав, также знакомый с греческими образцами церковного законодательства. Устав Ярослава (XI – начало XII века) содержит достаточно обширный перечень запрещенных половых связей и определяет наказания за них. Кроме того, в уставе к церковной юрисдикции относится бракоразводный процесс.

Но был ли какой-то иной регулятор, воздействующий на брачно-семейные отношения до прихода на Русь православной церкви? Безусловно, таковой имелся, и это — само общество. В догосударственном состоянии и при отсутствии централизованного регулирования общество представляло собой довольно разрозненные группы, объединенные родоплеменными или соседскими связями. О брачно-семейных обычаях древности имеются довольно отрывочные и разрозненные свидетельства. Так, К.А. Неволин приводит отрывки из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей и, желая показать разницу между брачными обрядами «цивилизованных», но некрещеных полян, и обрядами остальных известных племен (древляне, кривичи, вятичи и северяне) до принятия ими христианства, указывает на процедуру привода невесты в дом жениха, о передаче приданого, о значении согласия родственников молодых и проч. [3: с. 295–300].

Каков был объект регулирования брачно-семейных обычаев? Изучение специфики крестьянских браков привело известного цивилиста XIX века К.П. Победоносцева к выводу о том, что «у простого народа преобладают хозяйственные понятия о браке» [5: с. 80]. «Хозяйственные понятия» приводили к тому, что браки в простонародье заключались с существенным нарушением возраста: семье малолетнего жениха было выгодно пораньше ввести в свое хозяйство новую рабочую силу. Те же соображения лежали в основе принуждения к браку детей родителями. «Хозяйственные понятия» определяли содержание стовора о приданом и неустойке за отказ вступить в брак. Традиционные брачные обряды конкретной местности, веками освящавшие хозяйственный союз двух семейств, были для российского крестьянства (большинства населения страны) гораздо важнее, чем христианские процедуры, требовавшие дополнительных затрат. Официальная регистрация брака, которая с начала XVIII века сопровождала венчальный обряд, крестьянству была особенно и не нужна: в отличие от дворян, для которых церковные метрики предков служили доказательством сословного статуса или права на родовые

имения, простонародье практически не сталкивалось с проблемами, для решения которых эти метрики могли понадобиться.

Таким образом, если объектом регулирования в брачном вопросе для церкви являлись нравственность и христианская чистота паствы, то для самой паствы в этой же сфере на первое место выходили вопросы хозяйственного плана. Столкновение церкви и общества, по-разному смотрящих на данный предмет, было осложнено появлением третьего регулятора — государственной власти. Специфика государственного регулирования состоит в обеспечении предлагаемых правил поведения принудительной силой. Преследуя в брачном вопросе свой интерес, государство в одних вопросах поддержало православную церковь всей своей силой, но в других — предпочло задействовать свои механизмы воздействия, в том числе и те, которые по своему смыслу не соответствовали христианскому вероучению.

Государственный интерес к определенной сфере общественных отношений проявляется, прежде всего, в издании соответствующих нормативных актов. Желая, например, определить церковную юрисдикцию, князь Древней Руси Владимир и Ярослав издали соответствующие уставы. В предыдущей статье были разобраны взгляды дореволюционных и современных ученых, которые считали царствование Петра I поворотным моментом в истории семейного права. Законы Петра I, как уже было установлено, не были направлены на коррекцию церковных установлений. Что же именно интересовало законодателя, издававшего нормы, скажем, о повышении брачного возраста или об обязательной регистрации брака в метрических книгах?

Петровское законодательство о брачном возрасте было принято в расчете на довольно узкую группу населения: дворянство. Раннее вступление в брак могло привести к отвлечению юных дворян от учебы, являвшейся важным условием поступления на государственную службу. Раннее замужество, хотя и соответствующее церковным канонам, также могло привести к дурным последствиям для дворянок: пользуясь юностью и неопытностью жены, родня мужа могла разными путями перевести на себя ее приданные имения и крепостных людей. Так, 12-летнюю сироту Елену Трусову выдали замуж за Ефима Сабурова. Отец мужа, прокурор Сыскного приказа, и сам супруг, ставший прокурором Мануфактур-коллегии, повели дело так, что вскоре Елена утратила значительную часть своего приданного (в том числе недвижимых имений и крепостных людей). В 1743 году Ефим Сабуров инициировал развод якобы по причине прелюбодеяния Елены, а ей самой тайком семья Сабуровых сделала предложение признаться в измене, за что ей обещали вернуть часть отчужденного имущества и дочь Аграфену, находившуюся на воспитании у свекрови. Одним из итогов длительного разбирательства стал Именной указ от 4 июля 1748 года, повелевший вернуть Елене Сабуровой ее незаконно отчужденные имения.

Трагедии, подобные случившейся с Еленой Сабуровой, были хорошо знакомы законодателю еще в XVII веке. Так, в феврале 1679 года состоялся

боярский приговор, который был инициирован следующими обстоятельствами: «Которым вдовам и девкам даны родственные вотчины, а они с теми вотчинами шли замуж; и родственники тех вдов и девок бьют челом, что мужья тех своих жен, а их родственниц бьют и мучат, и велят им те свои приданные вотчины продавать и закладывать своими именами» [8: Т. II. № 751]. Специфика вотчинного землевладения в XVII веке была такова, что родственники могли проявлять законный интерес к судьбе отчужденного так или иначе имения. Таким образом, объектом охраны законодателя в XVII веке являлись не имущественные права замужних женщин, а права отдельных феодальных родов. Петр I в пунктах *о вотчинных делах*, поднявший планку брачного возраста, «дабы кадеты обоих полов каким образом не притеснены в молодых летах» [2: с. 700], продолжал линию, намеченную его предшественниками, по предотвращению оскудения феодальных фамилий.

Эта задача — сохранение имений в руках благородных фамилий — будет реализовываться законодателем вплоть до начала XX века. Так, сохранение вплоть до Октябрьской революции 1917 года понятия «указная доля», ограничивающее право наследования женщинами внегородской недвижимости, было вызвано, как указывал А.Г. Гойхбарг, задачей, чтобы «имения не выходили из древних, стяжавших вековой отличной службой общее уважение родов» [1: с. 6–7]. По той же причине вплоть до Октябрьской революции незаконнорожденные не могли стать полноправными членами родов фактических родителей: иначе пришлось бы обделять «законных» детей родовой недвижимостью.

Политику укрепления феодального землевладения русское правительство начало проводить до Петра I и Алексея Михайловича. Так, 3 декабря 1627 года Святейший патриарх Филарет Никитич извещал сыну своему, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу, что жены умерших вотчинников могли наследовать лишь купленные вотчины, но не родовые и не выслуженные. Объектом регулирования в этом установлении явились, конечно, не права замужних женщин, а права феодальных родов, как и в предыдущих случаях.

Анализ приведенных примеров позволяет выдвинуть следующее предположение: брачно-семейные отношения, нашедшие свое отражение в указанных законах XVII–XVIII веков, являются лишь «периферией», побочным элементом в регулировании более важного для русского правительства вопроса — феодального землевладения.

Феодальное землевладение представляло интерес для правительства не только с точки зрения охраны имуществ боярства и верхушки дворянства, т. е. опоры монарха. Вплоть до начала XVIII века землевладение представляло собой материальную основу военной и гражданской службы в России. Иррегулярные феодальные полки традиционно существовали на доходы феодалов, что было четко закреплено, например, еще в 1555 году. Поэтому необходимо уточнить сделанное предположение: брачно-семейные отношения, так

или иначе отраженные в приведенных законах XVII–XVIII веков, являются побочным элементом в регулировании сословных прав и обязанностей феодалов.

Петр I, проводя реформу армии, окончательно ликвидировал ее иррегулярный характер. Однако сохранение земель в руках благородного сословия не утратило своей актуальности, во всяком случае до середины XIX века. Продолжая оставаться опорой самодержавия, дворянство являлось важным посредником между правительством и огромной массой населения, а именно, крепостным крестьянством. Обязанности крестьянского сословия исторически носили, если можно так выразиться, «раскладочный» характер. За уплату подушной подати, штрафов и пошлин, отправление рекрутской повинности перед властями отвечал не каждый крепостной индивидуально, а посредники — община и, особенно, помещик. В подобных условиях умение управлять помещьем являлось залогом не только благополучия самого владельца, но и отсутствия различных недоимок. Не зря еще в 1736 году правительство требовало, чтобы отцы семейств давали необходимое образование не только тем из сыновей, кто изберет военное поприще, но и тем, кто останется дома «для смотра деревень и экономии» [8: Т. IX, № 7142].

Выходит, что обязанность дворян давать образование своим *сыновьям* тоже имеет объектом регулирования не права несовершеннолетних детей, а их сословные обязанности: одних детей требовалось готовить к государственной службе, других — к управлению крепостными. Кроме того, назначение дворянства ответственным перед правительством за своих крепостных заставило помещиков в числе прочих хозяйственных вопросов решать судьбу крестьянских браков.

Особое отношение русского правительства к вопросам дворянского землевладения поставило на повестку дня вопрос о доказательствах законности рождения. Внебрачные дети, еще согласно Соборному уложению 1649 года, не имели права на поместья и вотчины фактического отца (ст. 280, гл. X). Начиная с Петра I власть принимала меры к выполнению духовенством обязанности ведения метрических книг, где фиксировались бы браки, рождения и смерти [2: с. 593]. Однако до начала XIX века, по признанию Государственного совета, рассматривавшего в 1839 году дело о завещании имения генерал-майору Боровскому, метрики и консисторское делопроизводство находились в беспорядке и расстройстве. Целая череда судебных процессов второй половины XVIII – первой половины XIX века, вызванная этим беспорядком и расстройством («последней каплей» стало дело полковницы Хрущовой), вынудила власть в 1850 году специально уточнить нормы Свода законов Российской империи о действительности и законности браков, а также о статусе детей от законных и незаконных браков. Таким образом, закрепляя за дворянством определенные права и обязанности, законодатель постепенно сталкивался с вопросами его брачно-семейного устройства.

Исходя из интересов выявленных субъектов регулирования брачно-семейных отношений, можно предложить следующую периодизацию дореволюционного семейного права. Принимая во внимание, что Русской православной церкви в целом не удалось насадить на отечественной почве христианское вероучение, и ее вклад в данной сфере состоял лишь в венчальном обряде, вряд ли стоит выделять Крещение Руси в качестве вехи в истории отрасли. Более обоснованным представляется определить момент, когда вопросы брака и семьи попадают в орбиту государственных интересов, а это начинает происходить вместе с формированием сословного строя в России, т. е. со второй половины XVII века. Именно поэтому дореволюционную историю развития отрасли предлагается делить на два периода: до и после вмешательства в данную сферу правительства. Водоразделом здесь необходимо считать вторую половину XVII века.

Литература

1. *Гойхбарг А.Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. СПб., 1914. 128 с.
2. Законодательство Петра I. М.: Юрид. литература, 1997. 880 с.
3. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. 590 с.
4. Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М.: Зерцало, 1998. 656 с.
5. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. М., 2003. 639 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. литература, 1984. 432 с.
7. Русская историческая библиотека. Т. VI: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908. 746 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649 – 12 декабря 1825 г.): в 45 т. СПб., 1826–1830.

Literatura

1. *Gojxbarg A.G.* Zakon o rasshirenii prav nasledovaniya po zakonu lic zhenskogo pola i prava zaveshhaniya rodovy'x imenij. SPb., 1914. 128 s.
2. *Zakonodatel'stvo Petra I.* M.: Yurid. literatura, 1997. 880 s.
3. *Nevolin K.A.* Istoriya rossijskix grazhdanskix zakonov. Ch. 1: Vvedenie i kniga pervaya o soyuzax semejstvenny'x. M.: Statut, 2005. 590 s.
4. *Obshhaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskij kurs: v 2 t. / pod red. M.N. Marchenko.* T. 2: Teoriya prava. M.: Zerczalo, 1998. 656 s.
5. *Pobedonoscev K.P.* Kurs grazhdanskogo prava. Ch. 2: Prava semeiny'e, nasledstvenny'e i zaveshatel'ny'e. M., 2003. 639 s.
6. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod obshh. red. O.I. Chistyakova.* T. 1: *Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi.* M.: Yurid. literatura, 1984. 432 s.
7. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. VI: Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1.* SPb., 1908. 746 s.

8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (1649 – 12 dekabrya 1825 g.): v 45 t. Spb., 1826–1830.

P.L. Polyanskiy

**The Subject of Legal Control as the Basis for Periodization
of Pre-revolutionary History of Russian Family Law**

The author considers that the subject of legal control is the basis of periodization for pre-revolutionary history of Russian family law. Such approach to periodization enables to estimate impartially the aims and degrees of control of every «regulator» in different stages of development of prerevolutionary Russian family law.

Keywords: Russia; history of law; family law; subject of legal control.